

К ПРОБЛЕМЕ УСТАНОВКИ В ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. Г. АСМОЛОВ, М. А. КОВАЛЬЧУК
(Факультет психологии МГУ, Москва)

Значимость проблемы установки настолько очевидна, что вряд ли стоит тратить время на доказательство ее актуальности. Отметим лишь, что психолог, который бы попытался в пестром потоке современных течений отыскать хотя бы одно, чьи представители не предлагали путей решения этой проблемы, столкнулся бы с неразрешимой задачей. Однако, к сожалению, такая популярность проблемы установки по сей день уживается с неопределенностью и чрезмерной перегруженностью понятия «установка». Многозначность этого понятия порой приводит к тому, что оно превращается, по меткому выражению Дж. Фримена, в «козла отпущения» [23] и исследователи нередко вкладывают в него совершенно различное содержание. Перспективным путем к осознанию современного состояния проблемы установки вообще и проблемы соотношения понятия «установка» в общей и социальной психологии в частности является путь исследования становления этого понятия в истории психологии.

Даже при беглом рассмотрении истории развития понятия «установка» отчетливо проступают две тенденции. Одна тенденция, которая намечается еще в работах Г. Т. Фехнера, отражает судьбу понятия «установка» в экспериментальной психологии [1], [2], [3], [13], [14]. Вторая тенденция также зарождается на определенном этапе экспериментальной психологии, но под влиянием сближения психологической и социологической областей знания приобретает особый статус в рамках социальной психологии. Здесь это понятие чаще всего фигурирует как «социальная установка». В данной статье предпринимается попытка рассмотреть, как соотносятся между собой разработки названной проблемы в двух указанных тенденциях.

Исследование социальных установок с необходимостью выводит нас на проблему перехода от интерпсихологических к интрапсихологическим отношениям, поскольку уже само понятие «социальная установка» можно в какой-то мере рассматривать как зону перекреста между общей и социальной психологией. Напомним, что сам по себе термин attitude, который обычно в социально-психологической литературе и переводится как «социальная установка» (см. например, [19]), приобрел право гражданства в исследованиях Вюрцбургской школы и лишь спустя некоторое время стал использоваться в социальной психологии как термин, замещающий Einstellung и set [21]. Однако в исследованиях Вюрцбургской школы изучение установок «страдало одним методологическим недостатком, оставившим определенный след в развитии

научного знания об установке. На основе указанных исследований (исследований времени реакции, выполнения задачи и т. д. — А. А., М. К.) были определены отдельные виды установок, что повлекло за собой распад и исчезновение общего понятия установки» [13; 8]. Причины такой «слепоты» на заре экспериментальной психологии в понимании установки как целостного состояния субъекта не трудно понять. Представители экспериментальной психологии в целях конкретных экспериментальных исследований отдельных психических функций расчленяли явления психической реальности, «забыв, что если в них нарушить одушевляющую связь, то больше нечего и слушать» [8].

По иному пути пошло развитие проблемы установки в социальной психологии. Дело в том, что, переключаясь в социальную психологию из экспериментальной, понятие «attitude» впервые получило свое позитивное определение в исследовании Томаса и Знанецкого, в котором установка была определена как некоторое общее состояние сознания, отношение индивида как члена группы к ценностям, принятым в данной культуре [26]. Следовательно, в отличие от использования понятия «установка» в экспериментальной психологии начала двадцатого века, — понятие социальной установки с момента его введения подразумевает под установкой некоторое целостное отношение, ориентацию индивида на ценность. Для представителей социальной психологии в качестве объекта исследования сразу же выступил человек во всей его целостности; отсюда и позитивное определение установки. Но при этом выигрыш в правильности понимания установки как целостности обернулся проигрышем в «психологичности» содержания этого понятия. При переходе к социально-психологическому исследованию на первый план выдвигалась задача обоснования именно «социальности» установки. Да и те области социальной практики, для объяснения которых в первую очередь привлекалось понятие социальной установки, требовали прежде всего изучения таких аспектов проблемы, как функции социальных установок, возможность изменения установок и т. д. Иначе говоря, ситуацию, сложившуюся в ходе изучения социальных установок, можно охарактеризовать следующим образом: подчинив себя компетенции социальной психологии, понятие социальной установки до некоторой степени утратило свою «психологичность». Из поля внимания зарубежных психологов как бы выпало то, в какой форме социальная установка выступает для субъекта. Между тем в общей психологии развитие проблемы установки шло по линии исследования именно этого аспекта. Это как раз и является почвой для постановки вопроса о соотношении представлений о природе установки и ее функциях в общей и социальной психологии.

Существует множество попыток сопоставления понятий «установка» (set) и «социальная установка» (attitude). Остановимся на некоторых из них. В зарубежной экспериментальной психологии к одной из наиболее разработанных теорий установки относится когнитивная теория гипотез Дж. Брунера и Л. Постмана [20], в которой в интересующем нас плане наиболее значимым является анализ детерминант перцептивной готовности. Авторы этой теории в одном ряду с такими детерминантами «стойкости» гипотез, как частота подкреплений в прошлом, число конкурирующих гипотез, мотивационная поддержка, когнитивная поддержка, помещают «согласие с группой». Вводя эту детерминанту, авторы как бы хотят «пристегнуть» такой социальный фактор, как «согласие с группой» к другим детерминантам перцептивной готовности. Однако логика подсказывает нам, что в самом акте восприятия группы

вообще, и мнения группы в частности, присутствуют другие детерминанты готовности, и поэтому «согласие с группой» никак не может быть поставлено с ними в один ряд, выступить с ними, так сказать, на равных правах. Механическое прибавление этого социального фактора к другим детерминантам установки представляет собой один полюс решения проблемы соотношения «установки» и «социальной установки».

На другом полюсе находится решение этой проблемы, предлагаемое некоторыми социальными психологами. Мы коснемся схемы человеческой активности, предложенной Гринвальдом [13]. Не останавливаясь подробно на этой схеме, отметим, что она выражает необихевиористический подход. В ней представлены четыре блока: блок прошлого опыта, блок теоретических промежуточных процессов, блок установки и ее компонентов и блок поведения. Блок установки идет вслед за блоком теоретических промежуточных процессов, среди которых мы обнаруживаем и инструментальное научение, и классические условные рефлексы, и познавательные процессы. Такое решение вопроса о месте социальной установки в регуляции поведения может быть охарактеризовано как решение по способу «надстраивания этажей»: над этажом инструментальных рефлексов воздвигается этаж социальной установки. Критический анализ этой схемы дан Ш. А. Надирашвили одним из представителей школы Д. Н. Узнадзе. Ш. А. Надирашвили справедливо отмечает, что ни инструментальное научение, ни условные рефлексы не могут быть осуществлены без наличия соответствующей установки [13; 27]. Но даже если мы допустим, что на этаже условных рефлексов установка действует в форме так называемой *психофизической установки* индивида и тем самым выступает как основа любых промежуточных процессов, а сверху прибавляется этаж социальной установки, то мы все равно останемся в рамках решения по способу «надстраивания этажей». Такого рода решение не приближает нас к ответу на вопрос о соотношении «установки» и «социальной установки», а, напротив, уводит от решения этого вопроса. Напомним, что именно так обошлась традиционная психология с проблемой высших психических функций, отдав «натуральные» функции детской психологии, а высшие психические функции — общей [6]. Решение по способу «надстраивания этажей» оставляет в тени действительные отношения между установкой и социальной установкой и узаконивает разрыв между социальной и общей психологией.

Критикуя необихевиористическую схему человеческой активности Гринвальда, Ш. А. Надирашвили поднимает один из вечных вопросов психологии установки — вопрос об отношениях между установкой и психологией установки и деятельностью. Этот вопрос органически связан с единственной общепсихологической теорией установки, поставившей это понятие в основу учения о психическом — теорией установки, созданной классиком отечественной психологии Д. Н. Узнадзе. В социально-психологических исследованиях всегда упоминают теорию Д. Н. Узнадзе, когда речь заходит об установке, но при этом обычно допускается неоправданное смешение ключевого понятия теории установки Д. Н. Узнадзе — понятия *первичной установки* — и *социальной установки*, несмотря на то что представители школы Д. Н. Узнадзе неоднократно выступали против такого смешения [13], [14], [16].

Представители школы Д. Н. Узнадзе в течение многих лет последовательно отстаивают идею о существовании первичной установки, предваряющей и определяющей развертывание любых форм психической активности (Ш. А. Надирашвили, А. С. Прангишвили, Ш. Н. Чхартшвили). Представители деятельностного подхода (А. В. Запорожец,

А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин) не менее последовательно отстаивают альтернативную позицию, которая может быть лаконично передана формулой: «Сначала было дело».

С нашей точки зрения вопрос об отношениях между первичной установкой и деятельностью, несомненно, выиграет при переводе его на почву исторического анализа. Для того чтобы адекватно понять интересующее нас событие — появление теории установки Д. Н. Узнадзе, необходимо восстановить тот фон, на котором это событие произошло, в частности те моменты, которые нужны для выявления задачи, необходимость разрешения которой привела к появлению теории установки Д. Н. Узнадзе.

На ранних этапах экспериментальной психологии факт установки (готовности к действию) проявлялся в самых разных областях психической реальности. В психофизике и в исследованиях времени реакции он, будучи неким неконтролируемым фактором, искажал результаты измерений, порождая ошибки «ожидания» (изменение ответа испытуемого, вызванное предвосхищением изменения ощущения) и «привыкания» (тенденция испытуемого реагировать на появление нового стимула тем же способом, которым он реагировал на предшествующий стимул), изменение знака ошибки наблюдателя (ошибка запаздывания или упреждения при локализации движущегося объекта). В другой линии исследований при изучении иллюзии веса и объемно-весовой иллюзии понятия установки или ожидания привлекались для описания (но не объяснения) тех состояний испытуемого, которые как бы опережали проявления этих иллюзий [1], [3].

Таким образом, в прошлом столетии отчетливо вырисовывались две линии исследования проявлений установки, но ни в одной из них установка не становилась предметом специального анализа. В работах по психофизике она, скорее, воспринималась как артефакт, который старались элиминировать путем усовершенствования экспериментальной процедуры и статистической обработки результатов эксперимента; в исследованиях же иллюзий и времени реакции психологи ограничивались лишь указанием на участие установки в возникновении иллюзий или даже усматривали в ней причину различий во времени сенсорной и моторной реакций, но останавливались перед психологическим анализом этой причины или же сводили ее к периферическим реакциям мышечной преднастройки.

В начале XX в. проблема установки, как мы уже отмечали выше, стала предметом специального исследования в Вюрцбургской школе, где понимание установки приобрело ряд особенностей. Во-первых, понятие установки здесь прочно срослось с понятием активности. Активность же рассматривалась вюрцбуржцами в отвлечении от своего реального носителя, от субъекта. Во-вторых, установка (детерминирующая тенденция) впервые получила функциональное определение как фактор, направляющий и организующий протекание психических процессов, т. е. была предпринята попытка указать те реальные функции, которые установка выполняет в психических процессах. Тем самым был явно поставлен вопрос о соотношении между деятельностью и установкой. Однако этими крайне важными для понимания проблемы установки моментами и ограничивалась в основном разработка этой проблемы в Вюрцбургской школе. Понятие установки резко выпадало из строя понятий атомарной интроспективной психологии, внутренняя логика которой толкала психологов на поиски некоторой субстанции «установки» в психической реальности. Следуя традиционной психологии, вюрцбуржцы должны были бы найти и описать некий новый

«атом», подобно тому как они, ориентируясь на данные интроспективных отчетов, описывали ощущения, образы, чувства и т. д. Но испытуемые «отказывались» отнести установку к какому-либо из известных состояний сознания. Поэтому, например, К. Марбе, столкнувшись с проявлениями установки при исследовании суждения, вынужден был добросовестно перечислить все психические процессы, заверяя, что установка есть «нечто», что не может быть отнесено ни к одному из этих процессов. Собственно говоря, К. Марбе тем самым негативно определил установку и зафиксировал это определение в концептуальном аппарате, введя термин «установка сознания» (*Bewusstseinslage*).

Поскольку реальность неоднократно наблюдаемых феноменов установки не вызывала сомнения, стало необходимым пересмотреть как концептуальную сетку, которой пользовалась традиционная психология, так и ее базовую идею, поскольку они оказались непригодными для анализа обнаруженного феномена. Базовой идеей, молчаливо или явно признаваемой представителями традиционной психологии, была идея о том, что «объективная действительность непосредственно и сразу влияет на сознательную психику и в этой непосредственной связи определяет ее деятельность» [15; 158]. Д. Н. Узнадзе назвал эту идею «постулатом непосредственности».

Принимая — осознанно или неосознанно — этот постулат как исходную предпосылку экспериментального исследования, психолог оставался один на один с непреодолимыми трудностями, возникавшими при интерпретации ошибок «ожидания» и «привыкания», иллюзий установки, с таинственной неуловимостью установки посредством интроспекции и наконец застывал в беспомощности при попытках вместить установку в систему устоявшихся понятий традиционной психологии.

Признание постулата непосредственности определило и то, что представители традиционной психологии, ориентированные в своих исследованиях на переживания отдельного индивида, резко обособили сферу психической реальности от действительности и, таким образом, оказались в замкнутом круге сознания. Только пересмотр самого фундамента традиционной психологии мог устранить те препятствия, которые встали на ее пути, а такой пересмотр был возможен лишь при выходе за сферу эмпирических фактов и обращении к методологическому анализу самих оснований психологической науки.

Этот шаг был сделан Д. Н. Узнадзе, который, дав методологический анализ предпосылок традиционной психологии, пришел к задаче преодоления этого постулата, к идее о невозможности анализа сознания изнутри и, следовательно, к поиску такого посредующего двучленную схему анализа звена, которое само бы *не принадлежало к категории явлений сознания*. Решение этой задачи и привело Д. Н. Узнадзе к созданию теории установки.

Подобная постановка задачи сразу же резко противопоставила в методологическом плане концепцию Д. Н. Узнадзе всем вариантам понимания установки, существующим как в общей, так и социальной психологии. Поэтому попытки провести прямую линию развития проблемы установки, например, от Аха к Узнадзе, а от Узнадзе к Брунеру, провоцируемые чисто внешним терминологическим сходством, являются не оправданными в принципе.

Д. Н. Узнадзе пошел по пути преодоления постулата непосредственности через «подпсихическое» — через установку. Установка — это «своего рода целостное отражение, на почве которого может возникнуть или созерцательное, или действенное отражение. Оно заключается в своеобразном налаживании, настройке субъекта, его готовности...

к тому, чтобы в нем проявились именно те психические или моторные акты, которые обеспечат адекватное ситуации созерцательное или деятельное отражение. Оно является, так сказать, «установочным отражением». Содержание психики субъекта и вообще всего его поведения следует признать реализацией этой установки и, следовательно, вторичным «явлением» [16; 26]. Это определение, будучи взято само по себе, оставляет возможность неоднозначной его интерпретации. Какой смысл, например, вкладывает Д. Н. Узнадзе в термин «психическое», которое всегда вторично по отношению к установке? Что он имеет в виду, говоря о первичной установке? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо восстановить исторический контекст, в котором родилась теория установки Д. Н. Узнадзе.

Д. Н. Узнадзе, неоднократно подчеркивал, что в современной ему психологии сознание и психика отождествляются. Правда, он упоминает о существовании направления, которое обращается к проблеме бессознательного, — о психоанализе З. Фрейда. Но, по справедливому замечанию Д. Н. Узнадзе, концепция З. Фрейда ни в коей мере не меняет действительного положения вещей в картине представлений традиционной психологии, поскольку бессознательное у З. Фрейда — это негативно определенное сознательное. Это и наталкивает на мысль, что, говоря о первичности установки по отношению к психике, Д. Н. Узнадзе подразумевал психику в смысле традиционной психологии, т. е. психику как явление *сознания*. Тогда становится понятной та страстность, с которой Д. Н. Узнадзе настаивает на положении о первичности установки. Ведь если бы установка была вторичной по отношению к психическому как сознательному, то ее введение равным счетом ничего бы не дало для решения задачи преодоления постулата непосредственности. Дело поэтому прежде всего не в том, обладает ли установка атрибутом осознанности или не обладает, а в том, может ли она быть принята в качестве исходной категории, что предшествует порождению любых психических явлений. Если да, то социальная установка, взятая в своей интрапсихической форме, выступила бы тогда по отношению к этой базовой категории как вторичный феномен, как порождение первичной установки. Из сказанного вытекает, что не может быть и речи о смешении первичной установки и социальной установки. Однако интересующий нас вопрос теперь обращается и встает в следующей форме: выступает ли в онтологическом плане первичная установка, как порождающая психические процессы, или же под «первичностью» в теории Д. Н. Узнадзе имеется в виду первичность лишь по отношению к психическому как сознательному?

Вопрос этот, очевидно, нуждается в более подробном освещении. Предположим, что установка первична по отношению к любым формам психической активности вообще и, следовательно, любые уровни деятельности являются производными от установки, ее реализацией. Но, во-первых, признание установки «первичной» в этом смысле означало бы ее сведение исключительно к внутренней детерминации и нивелировало бы принципиальную разницу между установкой Д. Н. Узнадзе, «либидо» Фрейда и стремлением к совершенству, к могуществу Адлера, у которых человеческая деятельность и выступает лишь как реализация этих тенденций или влечений. Такое рассмотрение первичной установки вступает также в явное противоречие с аксиоматическим положением Д. Н. Узнадзе о необходимости для возникновения установки наличия ситуации. Но в этом случае решение вопроса об отношении между восприятием и установкой, деятельностью и установкой неминуемо попадет в заколдованный круг.

Парадокс состоит в следующем: необходимыми условиями возникновения установки являются ситуация и потребность; ситуация только в том случае выступает как условие возникновения установки, если она воспринята субъектом, но любой акт восприятия, согласно теории Д. Н. Узнадзе, предполагает существование установки. Иными словами, для того чтобы возникла установка, должна быть отражена ситуация, но ситуация не может быть отражена без наличия установки. Д. Н. Узнадзе в качестве выхода из этого замкнутого круга выдвигает то положение, что установке предшествует акт «замечания», т. е. своеобразного неосознанного восприятия ситуации удовлетворения потребности. В современной психологии существование восприятия, афферентирующего поведенческий акт и не являющегося достоянием сознания, ни у кого не вызывает сомнения. Но вопрос в данном случае состоит не столько в том, что конкретно понимал под «замечанием» Д. Н. Узнадзе, а в том, что, говоря о «замечании», Д. Н. Узнадзе предполагает наличие деятельности, в которой формируется первичная установка.

Если предложенная нами интерпретация соотношения между деятельностью и первичной установкой верна, то мы, по-видимому, вправе предпринять попытку, на необходимость которой справедливо указывал Ф. В. Бассин [5], а именно попытку рассмотрения места установки в структуре деятельности, опираясь на представления о деятельности, разработанные в советской психологии (см., например, [12]). Нам представляется что первичная установка выполняет в деятельности чрезвычайно важную роль: первичная установка представляет собой направленность поисковой активности, побуждаемой потребностью, на предмет потребности, т. е. понятие «первичной установки» соответствует в концептуальном аппарате теории деятельности направленности акта «встречи» потребности с предметом потребности¹. Иными словами, первичная установка существует до тех пор, пока не произойдет опредмечивание потребности. Предмет же потребности — материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане — есть мотив деятельности [11].

Тогда функционально акт развертывания деятельности до первого удовлетворения потребности можно представить следующим образом: потребность → направленность поисковой активности на предмет потребности (первичная установка) → предмет потребности (мотив). Напомним, что, согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева, для человеческой общественно опосредованной деятельности является генетически исходным несовпадение мотивов и целей. Если же целеобразование по каким-либо объективным условиям невозможно и «ни одно звено деятельности, адекватной мотиву, не может реализоваться, то данный мотив остается лишь потенциальным — *существующим в форме готовности, в форме установки*» (курсив наш. — А. А., М. К.) [11; 19].

Здесь мы вплотную подходим к определению социальной установки, возникающей в каком-либо определенном виде деятельности. Согласно предложенной нами гипотезе об иерархической уровневой структуре установки как механизма регуляции деятельности, социальная установка является ведущим уровнем регуляции деятельности, надстраиваемым над уровнями целевой и операциональной устано-

¹ Это положение в русле теории установки Д. Н. Узнадзе высказывается одним из ведущих представителей этой теории — А. С. Прангшвили (см., например: А. С. П р а н г ш в и л и. Потребность, мотив, установка. В сб. «Проблемы формирования социогенных потребностей». Тбилиси, 1974).

вок [4]. Остановимся вкратце на двух последних уровнях. Под операциональной (ситуативной) установкой понимается готовность, возникающая при предвосхищении, опирающемся на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях, и изменяющаяся под воздействием тех условий, в которых в данный момент разворачивается действие. На основе операциональной установки осуществляется реализация такой образующей деятельности, как операция (способ осуществления действия). Наиболее полный анализ этого уровня готовности дан в представлениях типа вероятностного прогнозирования. Над уровнем ситуативной установки располагается уровень целевой установки. Под целевой установкой понимается готовность, актуализированная субъектом после принятия задачи, в которой представлена цель действия. Первоначальный анализ этой формы установки как установки, вызываемой задачей, Aufgabe, дан в Вюрцбургской школе, а также в работах Э. Брунsvика, посвященных исследованию влияния установок, заданных инструкцией, на константность восприятия [22]. И, наконец, на ведущем уровне регуляции деятельности находится социальная установка. Будучи включена в контекст деятельности, социальная установка, понимаемая как отношение личности к ценностям, в интерпсихической форме выступает как отношение мотива к цели, которое в своем генезе возникает только через отношение личности к участникам совместно выполняемой деятельности. В своей же интрапсихической, преобразованной форме социальная установка выступает как личностный смысл, который и порождается отношением мотива к цели. С нашей точки зрения, личностный смысл включает три образующие: когнитивную, аффективную и поведенческую. Для иллюстрации отношений между социальной установкой и личностным смыслом обратимся к помощи воображаемой шкалы. На одном ее конце — полное совпадение социальной установки и когнитивной образующей личностного смысла. Проиллюстрируем отношения такого рода, воспользовавшись данными исследования Бейвелсса, которое посвящено изучению влияния социальной установки на производительность труда в группе (см. [9]). Одной группе работниц давалось указание достичь высокой производительности труда, которое мотивировалось экономической необходимостью; другая группа активно участвовала в обсуждении задания и сама принимала цель повысить производительность труда. В результате у первой группы обнаружилась более низкая производительность труда, у второй — более высокая. Внешнее, интерпсихическое отношение мотива к цели в обоих случаях вызывается требованием достичь высокой производительности труда. Однако в первой группе социальная установка привела к актуализации когнитивной образующей личностного смысла, то есть, образующей, которая совпадала у всех участников группы и выполняла побуждающую функцию постольку, поскольку стоящий перед членами группы мотив был «только знаемым». Во второй группе мотив «экономическая необходимость» привел к актуализации диспозиции личности — к актуализации личностного смысла, поскольку этот мотив выступил как «реально действующий». Описанное на примере второй группы отношение между социальной установкой и личностным смыслом можно расположить в средней зоне нашей воображаемой шкалы. На противоположном конце шкалы отношений между установкой и личностным смыслом располагаются те случаи, когда на первом плане в сознании выступает аффективная образующая личностного смысла, которая и детерминирует выбор цели действия. В качестве примера можно привести те факты, когда больные шизофренией подменяют выполнение задания выявлением субъектив-

ного отношения к нему. У них утрачивается «надличностный» объективированный характер усвоенных установок [10].

Анализируя то, как социальные установки выступают для сознания в форме личностных смыслов, мы имплицитно переносим на структуру личностных смыслов представления о трехкомпонентной структуре социальных установок, сложившиеся в социальной психологии.

Обычно в числе компонентов социальной установки называются следующие три: аффективный, когнитивный и конативный (поведенческий). Традиция выделения этих трех планов человеческого поведения (латинизированный вариант — affect, cognition, conation) восходит еще к древнеиндийской и античной философии. Что же касается того, следует ли рассматривать социальную установку как одномерную или многомерную переменную, то вопрос этот продолжает обсуждаться. Характерно в этом отношении замечание, высказанное Мак-Гайром. Приведя обширные данные, Мак-Гайр пишет: «...нам кажется, что... теоретики, настаивающие на различии (компонентов. — А. А., М. К.), вынуждены будут взвалить на себя бремя доказательства того, что различие это имеет смысл» [24; 157].

Однако фактически большинство исследователей изучают тот или иной компонент (или то, что изучается, может быть в большей мере отнесено к одному из трех компонентов)¹. Поэтому целесообразно проанализировать этот подход и попытаться выделить некоторые моменты, подлежащие, на наш взгляд, дальнейшей разработке.

П. Н. Шихирев предлагает следующее описание трех структурных компонентов установки: когнитивный (перцептивный, информативный) — как «осознание объекта установки»; аффективный (эмоции, чувства) — как «чувства симпатии или антипатии к объекту установки»; конативный (поведенческий, действие) — как «устойчивую последовательность реального поведения относительно объекта установки» [18; 162]. Уже из такого описания (именно описания, а не определения), которое с теми или иными поправками разделяется многими авторами, следует, что данные три элемента не рядоположны.

С одной стороны, оценочной силой по отношению к объекту установки обладает аффективный ее компонент. С другой стороны, установка в целом, как единство трех ее компонентов, оказывает регулятивное влияние на поведение, влияние, которое также вскрывает определенную *оценку* объекта. Встает вопрос о том, в какой мере совпадают (и совпадают ли вообще) эмоциональная оценка объекта и, так сказать, общая его оценка, которая складывается в результате взаимодействия аффективного и когнитивного компонентов. Иначе эту проблему можно было бы сформулировать следующим образом: если установка субъекта по отношению к некоторому объекту (или явлению) содержит как его эмоциональное отношение, так и совокупность его знаний об этом объекте, то какова «сила» (или «вес») каждой из этих составляющих в выявленной у индивида предрасположенности по отношению к данному объекту?

Однако при выявлении этого «веса» необходимо всегда помнить о той опасности, которая подстерегает исследователя при попытке изолированного рассмотрения каждого из компонентов социальной установки и на которую указывал еще Л. С. Выготский, а именно,

¹ Основанием для этого вывода можно считать те многочисленные данные, которые приведены в работе Мак-Гайра. Так как эта работа обобщает исследования по социальной установке за много лет, ее, очевидно, можно рассматривать как «репрезентативный» материал по данной проблематике.

о возможности «соскальзывания» на анализ элементов вместо того, чтобы рассматривать «единицы» процесса [7]. Памятуя об этом замечании, очевидно, можем выделять в социальной установке три вышеперечисленных компонента, имея в виду временный вынужденный разрыв единства, который совершается в ходе аналитического разложения объекта знания. В противном случае, при рассмотрении социальной установки как суммы или совокупности трех элементов, создается риск вообще потерять ее специфическое содержание.

Представление о трехкомпонентной структуре социальной установки, существующее в настоящем виде, не может считаться удовлетворительным и в том отношении, что указанная выше неоднозначность (аффективная оценка и «совокупная» оценка объекта) превращается в противоречие, если принять во внимание тот кардинальный факт, к констатации которого пришли исследователи социальной установки. Этим фактом является несовпадение между выявляемыми традиционным способом (т. е., на основании вербальных реакций) установками и реальным поведением. Подобное несоответствие впервые было четко описано в эксперименте Лапьера [24].

Характерно, что при попытке подойти к решению вопроса о несовпадении установки и реального поведения исследователи руководствуются, в общем, представлением о социальной установке как готовности действовать определенным образом. В последнее время стали появляться работы, отмечающие, что попытки прогнозировать поведение с помощью социальной установки встречаются с большими трудностями, если рассматривать ее только как некоторую готовность.

В случае понимания социальной установки как готовности нередко предполагается, что, определив установку, а, значит, готовность действовать, можно сразу же сделать однозначный вывод о том, каким будет поведение, реализующее эту готовность. В действительности это реальное поведение будет определяться еще рядом переменных, которые необходимо учитывать, интерпретация же установки как «готовности» как бы снимает вопрос о необходимости включения еще каких-либо образующих в анализ.

Сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о некотором несоответствии, которое сложилось между традиционным представлением о социальной установке и ее структуре в теоретических рассуждениях и теми реальными данными, которые получены в экспериментах. По-видимому, дело заключается в том, что исследователь не может выделить в поведении влияния социальной установки в «чистом виде». Поскольку наблюдаемое поведение детерминировано не только социальными установками, но и другими факторами, его нельзя рассматривать как прямое следствие действия социальной установки. С этой точки зрения, нам думается, что использование представления о поведенческом компоненте социальной установки является не вполне удачным. То поведение, те действия относительно объекта установки, которые называются ее поведенческим компонентом, представляют собой активность, определяемую *в числе других факторов* и установкой.

Такая постановка проблемы ни в коей мере не снимает вопроса о поведенческих «выходах» установки. На самом деле именно на основании определенных актов поведения субъекта можно сделать вывод, вернее предположение, о наличии у него определенной социальной установки. Однако нельзя сделать обратного вывода, поскольку этому препятствует зафиксированное в эксперименте Лапьера расхождение между вербальными реакциями индивида и реальным поведением. Не вдаваясь сейчас в проблему соотношения вербальных установок и уста-

новок, выявляемых на основании каких-то наблюдавшихся действий, мы пока что можем сделать вывод о недостаточности определения социальной установки как *готовности* к определенному способу реагирования. Нам кажется более точным говорить о социальной установке как о *предрасположенности* к определенному поведению, соответствующей мотиву деятельности. Если согласиться, что фиксируемые при наблюдении или в эксперименте установки являются именно такими предрасположенностями (предиспозициями), то понятно, что, взаимодействуя в реальности с другими детерминантами поведения, они могут дать в результате поведение, не совсем согласующееся с выявленной установкой. Тогда выражение «поведенческий компонент установки» есть, видимо, некоторая абстракция от реальности. Такой компонент может быть выведен теоретически, в результате обобщения целого ряда поведенческих актов, отдельных действий, в случае, если исходить из реального взаимодействия субъекта с объектом установки. Если же отталкиваться от осознаваемых установок и попытаться прогнозировать дальнейшее поведение, то предсказанный исследователем поведенческий компонент будет лишь вероятной составляющей реального поведения.

Возвращаясь же к «загадке Лапьера», т. е. к несоответствию между реальным поведением и социальной установкой, мы склонны вслед за В. А. Ядовым предположить, что несовпадение обусловлено тем, что «ведущая роль в регуляции поведения принадлежит диспозиции иного уровня» [19; 95], которая, в свою очередь, с нашей точки зрения, «включается» в регуляцию в зависимости от места соответствующего ей мотива в иерархии мотивов личности.

В настоящей статье прослеживаются две тенденции развития проблемы установки в общей и социальной психологии и предпринимается попытка рассмотрения места социальной установки в деятельности субъекта на основе гипотезы об иерархической структуре установки как механизма регуляции деятельности [4]. Возникнув в начале века в экспериментальной психологии и проделав долгий путь в социологии и социальной психологии, социальная установка словно возвращается обратно, но возвращается не с пустыми руками. Представления о трех компонентах социальной установки позволяют обогатить наши знания о личностном смысле («значение для меня») и, тем самым, о сокровенных механизмах регуляции социального поведения личности. Вероятной перспективой решения проблемы о месте социальной установки в деятельности и, соответственно, проблемы о соотношении «attitude» и «set» является понимание социальной установки как ведущего уровня в иерархической структуре установки, расположенного над уровнями целевой и операциональной установок, представление о которых разрабатывалось в русле общей психологии. Будучи включена в контекст деятельности, социальная установка выступает в интерпсихической форме как отношение мотива к цели, а в интрапсихической, преобразованной форме находит свое выражение в личностном смысле, содержащем три образующие (аффективную, когнитивную и поведенческую). В зависимости от места мотива в системе мотивации в сознании может актуализироваться и определять выбор цели действия как аффективная, так и когнитивная образующая личностного смысла. В связи с проблемой установки встают вопросы о роли фиксированных социальных установок в выборе мотивов поведения, о месте установки в процессе целеобразования и др., исследование которых представляет интерес как для общей, так и для социальной психологии.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Ранние этапы развития понятия «установка». «Психологические исследования». М., 1974, № 6.
2. Асмолов А. Г. Мнимые дилеммы проблемы установки в необихеворизме. «Психологические исследования». М., 1974, № 5.
3. Асмолов А. Г., Михалевская М. Б. От психофизики «чистых ощущений» к психофизике «сенсорных задач». В сб.: «Проблемы и методы психофизики». М., Изд-во МГУ, 1974.
4. Асмолов А. Г., Ковальчук М. А., Яглом М. А. Об иерархической структуре установки. «Новое в психологии». М., 1975, вып. I, в печати.
5. Бассин Ф. В. Проблема «бессознательного». М., 1968.
6. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
7. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования, М., 1956.
8. Гёте И. В. Фауст. Перевод Б. Л. Пастернака.
9. Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972.
10. Зейгарник Б. В. Личность и патология деятельности. М., 1971.
11. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., Изд-во МГУ, 1971.
12. Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности. В сб.: «Основы теории речевой деятельности». М., «Наука», 1974.
13. Надирашвили Ш. А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.
14. Прангишвили А. С. Общепсихологическая теория установки. В кн.: «Исследования по психологии установки». Тбилиси, 1967.
15. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. В кн.: «Психологические исследования». М., «Наука», 1966.
16. Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки (на груз. яз.). Цит. по: Бжалава И. Т. Психология установки и кибернетика. М., «Наука», 1966.
17. Чхартишвили Ш. Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, 1971.
18. Шихирев П. Н. Исследования социальных установок в США. «Вопросы философии», 1973, № 3.
19. Ядов В. А. Личность как субъект социальной активности. В кн.: «Активность личности в социалистическом обществе». Москва — Варшава, 1974.
20. Allport F. Theories of perception and the concept of structure. N. Y., 1955.
21. Boring E. G. A history of experimental psychology. N. Y., 1950.
22. Brunswick E. Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley — Los Angeles, 1956.
23. Freeman G. L. The problem of set. "Amer. J. Psychol.", 1939, 52.
24. LaPiere R. T. Attitude versus action. In: Fishbein M. (Ed.) "Attitude theory and measurement". N. Y., 1967.
25. McGuire W. J. The nature of attitudes and attitude change. In: Lindzey G. and Aronson E. (Eds.) "Handbook of social psychology". 1969, Vol. 3.
26. Thomas W. I. and Znaniecky F. The Polish peasant in Europe and America. Boston, 1918—1920.

ON THE PROBLEM OF SET IN GENERAL AND
SOCIAL PSYCHOLOGY

A. G. Asmolov and M. A. Kovalchuck

Summary

The paper is concerned with the analysis of the concepts of set and attitude in general and social psychology. The authors emphasize the difference between the conception of primary set in Uznadze's theory and the concept of attitude. The supposition is made concerning the possibility of including the concept "attitude" into the framework of regulation of the behavior of personality. The authors propose to analyse the concept of readiness as an hierarchical structure, the attitude being one of its levels. The attitude and its three components (conation, cognition, affection) are considered in its intrapsychological form as "personality sense" (Leontyev).